

Трамп – не только политический боец за выживание в вашингтонских джунглях, но и убежденный сторонник глобальной гегемонии США. Он отнюдь не является противником санкций против России. Его пресловутое уважение к Путину (и наоборот) связано с родством идеологического свойства, но отнюдь не родством интересов. Оба лидера прекрасно понимают, что нахождение общего языка не означает согласия. «Поладить» с Путиным Трамп готов лишь на своих условиях, в которых России отведена роль страны, помогающей США давить на конкурентов и всецело принимающей американскую глобальную гегемонию.

Анонсирование новых санкций против России под различными, теперь уже не связанными с Украиной, поводами стало предметом активных дискуссий об их природе и последствиях. В российской политической и экспертной среде нередки оценки, согласно которым вся проблема заключается во внутренней политике Соединенных Штатов. Чуть утрируя, можно сказать, что логика этих оценок сводится к тому, что настроенному на сотрудничество Трампу не дает работать русофобский истеблишмент Конгресса, американских медиа и силовых структур.

При этом одни уповают на относительно скорую нормализацию отношений с США, связывая с ней консолидацию внутриполитических позиций Трампа и надеясь на его «здравый смысл» и понимание того, что мир американской гегемонии уходит в прошлое. Другие на улучшение не надеются, но также связывают санкции с раскручиванием спирали внутриполитической борьбы в связи с приближающимися ноябрьскими выборами в Конгресс. Трамп, мол, играет на опережение, будучи вынужден отдать должное популярной антироссийской теме и демонстрируя, что и в этом вопросе он «круче» своих оппонентов в Конгрессе.

В этих рассуждениях упускается из виду то, что Трамп – не только политический боец за выживание в вашингтонских джунглях, но и убежденный сторонник глобальной гегемонии США. Его нападки на либералов-фритрейдеров и демократизаторов – критика не изоляциониста, а националиста-сверхдержавника. Национализм предполагает жесткое соперничество за свои интересы. Это и есть нормализация, которую Трамп связывает с завоеванием новых рынков и беззастенчивым ослаблением конкурентов, используя для этого широкий набор инструментов. В числе последних – политическое давление, угрозы военного вмешательства, а также различного рода санкции и торговые ограничения.

В мире сохраняющегося господства доллара и американских корпораций именно

финансово-экономические меры призваны укрепить пошатнувшуюся гегемонию США. Трамп не является противником санкций против России, как это видится некоторым связывающим с ним преодоление кризиса двусторонних отношений. Идеологически и психологически он готов к активному введению экономических ограничений не только против Китая, Северной Кореи, Ирана и Турции, но и не разделяющих его мировоззрения европейских стран-«союзников».

До тех пор пока американская экономика демонстрирует тенденции роста и пока разрознены противники американского неомеркантилизма, стратегия санкций будет приносить США дивиденды. Незападные страны во главе с Китаем могли бы поставить заслон этой стратегии, но все еще изготавливаются к борьбе политически и психологически. Европейцы же либо идут на уступки, либо демонстрируют неспособность защитить свой бизнес от американского давления. Свидетельством такой неспособности стала история с выходом США из соглашения с Ираном и решением целого ряда европейских компаний покинуть иранские рынки, несмотря на попытки ЕС противодействовать Трампу. Если после ноябрьских выборов в Конгресс Трамп продолжит укреплять внутриполитические позиции, то следует ожидать как относительного примирения с ним его оппонентов в Вашингтоне, так и продолжения курса на экономическое давление на Россию.

source